

KNOWLEDGE SOCIETY: MODERN PROGRESS TRENDS

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Tatyana Lipai

Institute for Advanced Studies and Retraining
Belarussian State Agrarian Technical University
Minsk, Republic of Belarus

Agamail Mamedov

Department of Sociology, Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation

Abstract: *The article is devoted to the basic trends of the new society formation – the knowledge society. Different attitudes are analyzed. The new economy and new society – is a fact of modern social environment, structural, and transformed from within. In the sociological world in a variety of reasons, has not developed a consensus on the name of a new stage of social development as well, along with the concept of "information society" is used quite a wide range of epithets: "sverhindustrialnaya civilization", "technotronic society". The current crisis because of the intensity found aggravation. First of all, perhaps it is a civilizational crisis heightened tensions between man and mankind. This civilizational trend, an exponential value in recent years, leads to the alienation of man including the achievements of the human mind. There are development trends and methodological basis of cognition of the new social phenomena distinguished. Moreover, author stresses the need of the conceptual theoretical survey in this area and the sociological understanding of the occurring changes.*

Keywords: *knowledge, postmodern, crisis, society, postindustrial civilization*

Новая экономика и новое общество – это данность современной социальной среды, преобразенная структурно и изнутри. В социологическом мире, в силу ряда причин, не сложилось единого мнения по поводу названия

новой стадии социального развития, так, наряду с понятием «информационное общество» используется довольно широкий спектр эпитетов: «сверхиндустриальная цивилизация» (О. Тоффлер), «технотронное общество» (З. Бжезинский) и другие (Bell, 1973; 454). Как правило, для обозначения нового общества употребляются термины, содержащие приставку «пост» – это во многом обусловлено тем, что оно (определение) находится еще в стадии становления, и у теоретиков в полной мере не сложился его цельный системный образ, позволивший бы им оперировать более содержательными понятиями. «Понятие информационного общества выглядит предпочтительнее общества постмодернистского, ибо указывает принцип, вокруг которого организовано сообщество, а не только лишь на то, за какой социальной формой оно следует – отмечает С. Лэш – Термины «постмодернити» или «поздняя модернити» представляются мне излишне аморфными, в отличие от термина «информация» (Lash, 2002; 1–2). Естественное стремление в науке выразить сущность нового информационного века вылилось в целый спектр определений. Дж. Литхайм говорит о постбуржуазном обществе, С. Алстром – постпротестантском, Г. Кан – постэкономическом, Р. Сейденберг – постисторическом, Р. Барнет вносит в этот калейдоскоп определений прагматическую нотку, предлагая термин «постнефтяное общество», понятно, что в основе всех дефиниций – понятие «постиндустриальное общество», популяризованное Д. Беллом. Общая приставка этих терминов, по мнению Дайзарда, отдает каким-то осенним чувством увядания, свойственным нашему веку – ощущением конца (заканчивается определенная историческая эпоха). Это связано с «концом гиперрассказа», где текст утрачивает свой смысл, впрочем, как и все социально-экономические понятия и категории.

В своей основе данные теории носят скорее образный, метафорический, чем строго научный системный характер и отображают, как правило, лишь одну из граней новой, пока еще не интеллигибельной, социальной конструкции. Хотя понятно, что в принципе любые теории в современной науке – это только метафоры, но речь идет в данном случае не об описательной стороне процесса познания (Hutton, 1956; 278–284). Так, в определении С. Алстрома «постпротестантское» упор делается на смену трудовой протестантской этики на гедонистическую. При этом, игнорируется, что помимо М. Вебера, есть концепция католической этики труда (В. Зомбарт), православной (С. Булгаков), исламской (М. Абдо) и т.д. Понятия «постнефтяное» (Р. Барнет), «постэкономическое» (Г. Кан) и др. также отдают «одноточностью» (термин Б. Хазанова), где теория рождается как частная, периферийная, иногда маргинальная идея, а затем начинает претендовать на всеобщую «философию Цезарей и Чингисханов» (Х. Ортега-и-Гассет). Перечисленные определения, на наш взгляд, не являются полными и системными, выполняют лишь частную функцию социальной маркировки, но не раскрытия сущностных механизмов развития. Авторы более склонны именовать грядущее как общество

знания, в силу обретения в новую эпоху знанием особого социального статуса. Так, один из значимых теоретиков в этой области Джон Несбитт отмечает, что «в отличие от других природных энергий, знание не подчиняется закону сохранения энергии: его можно создать, его можно уничтожить, но главное – знание синергично, т.е. целое, как правило, больше суммы частей» (Несбитт, 2003; 22). Ему вторит П. Друкер: знание стало уже сейчас базовой отраслью экономики и центральным ресурсом (Друкер, 2007).

Тем не менее, констатировать реальные параметры надвигающейся «эры разума» кажется несколько преждевременным, ибо дискретность и неуловимость (призрачность) будущего уже сегодня создают ряд новых антагонистических противоречий, еще не вполне преодолев «классические пережитки». Обществоведческие разбросы и поиски новой «единственно верной» парадигмы на все времена привели, по сути, к утрате базисной функции социального прогнозирования, отсутствию адекватной системы социальных гипотез. Налицо типично платоновская установка: главное – назвать социальный феномен, дать ему громкое название, маркировать, а затем можно и действительность подогнать под него. Руководствуясь принципом Л. Больцмана, что нет ничего практичнее хорошей теории, попытаемся выделить системные противоречия современного общества, пойдем от практики и реалий современного социума. В эпоху быстрого экстенсивного развития нашего общества в начале XXI в., неслучайно прозванного «тучными годами», идея о диалектических инструментариях познания общества, в силу прежде всего субъективных причин, вызывала некую вполне объяснимую снисходительную иронию, что–де такие теории были, но они характерны были для раннего капитализма XIX в., от которой все дружно открестились. Современная же эпоха свободна от кризисов, циклов и иных «родимых пятен», т.е. в научном сообществе совершенно неоправданно господствовал некий праволиберальный романтизм. Ныне же кризисные реалии и реакция на них, в частности, опыт ряда стран в реализации антикризисных технологий, заставили по–иному взглянуть на методологию К. Маркса, да и социальную диалектику в целом, в интерпретации А. Грамши, Г. Лукача, Э. Фромма, Р. Дарендорфа и др., которая предусматривает, в первую очередь, раскрытие внутренних системных противоречий в обществе. Так А. Турен отмечает, что новому обществу присущ некий вид диалектики, который обуславливает развитие от порядка к беспорядку, а затем и к новому порядку (Lash, 2002). Как замечает А. Осмоловский (в качестве «важного методологического императива левого мышления»), «основная задача любого интеллектуала – находить различия, а не отмечать схожесть» (Осмоловский, 2003). Автор напоминает, что «Фуко принадлежит очень удачная мысль, что основное отличие Маркса от всех предшествовавших мыслителей заключается в том, что именно Маркс сделал различие краеугольным аспектом развития своей теории».

Если Маркс в XIX в. увидел данное системное противоречие в единстве общественного способа производства и частного способа присвоения, то современный кризис в силу интенсивности обнаружил еще большее обострение. В первую очередь, наверное, это цивилизационный кризис обострения напряженности между человеком и человечеством. Этот общецивилизационный тренд, получивший экспоненциальное значение в последнее время, приводит к отчуждению человека в том числе и от достижений человеческого Разума. Поток информации, ее агрессивность и всеохватность поневоле «рационализируют человека», заставляют его выстраивать защитные барьеры, искать «иные лагуны» и заводы для собственного уединенного бытия.

Следующая группа противоречий вытекает из единства противоположных всеобъемлющих трендов: глобализация и регионализация, универсализация и дискретность, всеобщность и лоскутность. Вследствие этого, глобализация производства, в том числе и научной продукции, и архаичный (частный) способ получения прибыли. Подавляющее большинство (если не все) научных и производственных инноваций были, в основном, профинансированы государством, затем они (инновации) уже в готовой форме используются частными фирмами в виде приобретенной и закрепленной интеллектуальной собственности. К тому же, государство в новых условиях выполняет, казалось бы, несистемную в рыночных условиях функцию страховки на случай кризиса и основного антикризисного спасителя. Но при этом, форма собственности, а следовательно, и механизм распределения благ остается прежним. Опыт современного кризисного поля показал, что предприниматель в классическом смысле, с его постоянным риском, ответственностью, что было зафиксировано в европейской мысли XVII века, определенной аскетичной этикой, инициативой, сменяется довольно узким и закрытым кланом, для которого важнее непотические и личные связи с чиновниками, а не риск и инновации. Соответственно, и рекрутмент в данный класс возможен по совершенно иным правилам, а именно непрозрачным и коррумпированным, т.е. теряется сама суть предпринимательства, ее статусность и социальная роль, престиж и функции.

Исходя из данного, основного, на наш взгляд, противоречия современного общества вытекают и производные, как-то общественный способ производства научных знаний и частный способ присвоения результатов научной деятельности, в том числе и в форме выпускников учебных заведений на рынке труда. Далее, современный труд и инновационное производство характеризуются небывалой степенью глобализации и обобществления, а субстрат труда, его носитель и конечная цель – воспроизводство человека – все более архаизируется и маргинализируется. Воспроизводство совокупного работника в современной социальной системе передается в частную сферу и удивительно, несистемно увязывается с закрытием детских садов и школ, уходом государства из социальной сферы,

передачей основополагающей функции государства – образования – в частные предпринимательские структуры, полного игнорирования функции воспитания и замены его псевдоуниверсальной социализацией (Друкер, 2007).

Для исследования новых реалий более плодотворным, на наш взгляд, является осмысление основных трендов и признаков эпохи, т.е. попытки индуктивного воспроизводства неких моделей становящейся реалий. Современный немецкий исследователь Н. Штер выделяет следующие характеристики:

- а) насыщение всех сфер жизни и деятельности научным знанием (сциентификация);
- б) замещение других форм знания научной;
- в) развитие науки в качестве непосредственной производительной силы;
- г) появление специализированных направлений политической деятельности (научная и образовательная политика);
- д) формирование нового сектора в экономике;
- е) изменение в структуре власти (дебаты о технократах);
- ё) трансформация основ легитимизации власти в направлении специализированного знания (экспертократия, но вовсе «не путь интеллектуалов к классовому господству»);
- ж) развитие знания на основе социального неравенства и социальной солидарности;
- з) трансформация основных источников социальных конфликтов (*Концепция общества знания в современной социальной теории*, 2010; 44–45).

Современное общество требует оригинальности, инновации, непохожести, что в корне меняет трудовые установки, стандартное, машинное сменяется единичным. Заводы сменяются проблемными лабораториями, станки – технологиями (Латур, 2002).

Доминанта нового ресурса современной компании – интеллект ее сотрудников – быстро и неуклонно растет. Технически грамотные и, главное, оригинально мыслящие, склонные к инновациям сотрудники ценятся сегодня чрезвычайно высоко. Они могут работать сразу на несколько различных организаций, быть фрилансерами.

Меняются в связи с этим и качественные традиционные особенности интеллектуальных работников, их основными характеристиками являются: независимость от границ и мобильность.

Глобализация приводит к невиданным доселе интеллектуальным потокам, перманентным перемещениям «креативного класса», капитала, технологий.

Общество будущего, с точки зрения П. Друкера, охарактеризовано следующими тенденциями:

- старение населения;
- равенство между знаниями и информацией;

- минимизация сельского хозяйства;
- разрушение пенсионной системы;
- усиление иммиграции;
- минимизация ручного труда (Друкер, 2007).

Важно отметить приоритет и доминанту образования, которое Друкер выделяет особо. Образование, безусловно, является основным фактором формирования социального капитала и обратной связи в социальных институтах. Возрастает важность непрерывного процесса повышения квалификации.

Новые средства производства очень компактны и могут легко перемещаться. Интеллектуальные работники своим трудом обеспечивают корпорации «капитал» в том же объеме, что и владельцы–инвесторы корпорации. Стороны зависят друг от друга в равной степени. Теперь интеллектуальные работники не собственность корпорации, а полноценные равноправные партнеры (Елизаров, 2000).

Поэтому, корпоративный рынок профессионалов весьма далек от патерналистского традиционного управления кадрами. Главное отличие в том, что сотрудники выстраивают свою карьеру и несут за нее персональную ответственность. По сути, каждый сотрудник – это лидер, это проект. Опережающий рост происходит в сфере интеллектуальных технических специалистов: компьютерщиков, разработчиков компьютерных программ, аналитиков, промышленных технологов и новаторов, эти люди в равной мере, в силу характера работы, являются работниками как физического, так и умственного труда. В основе их физического труда лежат глубокие теоретические познания, которые может дать только серьезное специальное образование, что отмечалось ранее.

Человек рационален и иррационален одновременно. Знание является неотъемлемым элементом бинарной цепи «знание–незнание». Уже в произведениях Н. Кузанского, Р. Декарта, Канта, Гегеля и других постулируется диалектическая взаимообусловленность знания и незнания; соразмерность знания и незнания (Р. Декарт), вещь-в-себе (И. Кант), циклическое движение от известного к неизвестному (Гегель), здесь же «круг непотаенности» (М. Хайдеггер) (Новиков, 2003; 6–8). Известный историк Дж. Коллингвуд постулировал, что незнание есть объект и стимул поисковой деятельности, «наука начинается со знания нашего собственного незнания – не незнания всего, а незнания какой-то определенной вещи» (Коллингвуд, 1980, с. 12). Любое знание открывает не менее широкий пласт незнания, как отмечал М. Мамардашвили, «в области знания как события и незнания есть действующая причина» (Мамардашвили, 1994, с. 75). Тем самым, усложняется процесс социального познания, социальное прогнозирование. Становление современных социальных конструкций является эволюционным (естественным) феноменом и политическим намерением. Поэтому, становление нового общества, да и любое социальное воспроизводство имеет

широкий спектр измерений: политическое, культурное, научное и т.д. Поэтому, Г. Бехманн делает как бы обобщающий вывод: «Тот факт, что человеческое действие основано на знании, может рассматриваться как антропологическая константа. Социальные группы, социальные ситуации, социальные взаимодействия и социальные роли зависят от знания и опосредуются им. Отношения между индивидами основаны на знании ими друг друга. В самом деле, рассматривая общую идею знания как основание социального взаимодействия и социального порядка, мы должны осознавать, что подлинная возможность социального взаимодействия требует ситуационно-трансцендентного знания, которое развертывается индивидами, вовлеченными в социальное действие. [...] Признавая значение знания для общества и социального действия, в особенности для развитых обществ, необходимо понимать, что знание не является, как некогда полагали, универсальным ключом к постижению тайн природы и общества. В связи с этим возникает необходимость в социологической концепции знания, позволяющей дифференцировать объекты знания, содержание знания и знание как отношение» (Бехманн, 2010; 62–63).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

- [1] Bell D., *The Coming of Post-Industrial Societ*, NewYork. 2003.
- [2] Lash, S., *Critique of Information*, London: Thousands of Oaks 2002.
- [3] Hutton, E.H., *The language of modern Physics: An introduction to the philosophy of science*. – New York: MacMillan 1956.
- [4] Несбитт, Дж., Мегатренды – Москва 2003.
- [5] Осмоловский, А., *Пролегомены к методологическому принуждению*, Художественный журнал. 2003 №48/49.
- [6] Друкер, П., *Управление в обществе будущего* – М.: Вильямс 2007.
- [7] Латур, Б., *Дайте мне лабораторию и я переверну мир*, Логос. 2002 №5–6 (35).
- [8] Елизаров, А.П., *Республика ученых: социальное пространство «невидимого общества». Пространство и время в современной социологической теории*. Под ред. Ю.Л.Качалова. – М., ИС РАН 2000.
- [9] Новиков, А.С., *Научные открытия*. – УРСС М 2003.
- [10] Коллингвуд, Дж., *Идея истории. Автобиография*. – М. 1980
- [11] Мамардашвили, М.К., *К пространственно–временной феноменологии событий знания*, Вопросы философии, 1994. №1.
- [12] Бехманн, Г., *Общество знания – трансформация современных обществ*. Г. Бехманн, *Концепция «общества знания» в современной социальной теории*. – Москва: ИНИОН РАН, 2010.